

ИЗ ПРОШЛОГО ПОЗИТИВИЗМА

ОГЮСТ КОНТ

КУРС ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ

ТОМ I

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1900

Предисловие автора

Этот курс, общий результат всех моих работ со времен выхода из Политехнической школы в 1816 году, был мною открыт в первый раз в апреле 1826 года. После небольшого числа лекций тяжелая болезнь помешала мне тогда продолжить дело, удостоившееся с первых своих шагов лестных отзывов многих первоклассных ученых, в числе которых я могу назвать членов Академии Наук Александра Гумбольдта, де Бленвиля и Пуансо, с постоянным интересом следивших за изложением моих идей. Прошлую зиму, начиная с 4 января 1829 года, я целиком повторил этот курс перед аудиторией, в которую удостоили войти непреременный секретарь Академии Наук Фурье, члены этой Академии: де Бленвиль, Пуансо, Навье, профессора Бруссе, Эскираль, Бине и др.; здесь я считаю долгом выразить им открыто свою благодарность за радушие, с которым они встретили эту новую философскую попытку.

Благодаря таким отзывам я приобрел уверенность, что этот курс может с пользой получить и более широкую известность, и решился с этой целью прочитать его в этом году в Королевском Атенее в Париже, где и начал 9 декабря свои лекции. План остался

прежний, но особые условия места заставили меня несколько сократить объем курса.

Настоящее издание моих лекций включает, однако, курс в том объеме, который ему был определен в прошлом году.

Чтобы закончить эту историческую заметку, я считаю нелишним указать на то, что некоторые из изложенных в этом курсе основных идей моих были уже раньше высказаны мною в первой части сочинения, озаглавленного «Система положительной политики», напечатанного в мае 1822 года в количестве 100 экземпляров и перепечатанного в апреле 1824 года в более значительном числе экземпляров. Эта первая часть не была опубликована обыкновенным порядком, а только сообщена в печати большому числу европейских ученых и философов.

Я счел нужным установить здесь, что первое мое сочинение было действительно выпущено в обращение, так как в различных сочинениях, вышедших позже, изложены без всякого упоминания о моих исследованиях некоторые идеи, представляющие значительную аналогию с моими, в особенности относительно обновления социальных теорий. Хотя, как это не раз обнаруживала история человеческого духа, лица, занимающиеся одною и тою же отраслью знания, могут приходить даже без всяких сношений друг с другом к аналогичным воззрениям, я должен был все-таки определенно указать на более раннее появление моей малоизвестной в обществе работы, чтобы никто не подумал, что я извлек основания моих идей из сочинений, в действительности вышедших в свет после моего труда.

Так как несколько лиц просили у меня объяснений относительно заглавия этого курса, то я считаю полезным дать здесь некоторые общие указания.

Выражение *положительная философия* во всем этом курсе постоянно употребляется в одном, строго неизменном смысле, и мне казалось излишним определять его чем-нибудь другим, кроме указания на его постоянное и однообразное употребление. На всю первую лекцию, в частности, можно смотреть как на разъяснение точного определения того, что я называю *положительной философией*. Я сожалею, однако, что за неимением другого мне пришлось

принять термин *философия*, которому неправильно придавали множество различных значений. Но мне казалось, что прилагательного *положительная*, при помощи которого я несколько изменяю значение слова *философия*, будет достаточно для того, чтобы даже с первого взгляда уничтожить всякую неясность для тех, по крайней мере, кто понимает значение этого слова. Поэтому в этом предисловии я ограничусь заявлением, что я употребляю слово *философия* в том смысле, который ему придавали древние, в особенности Аристотель, и обозначаю им общую систему человеческих понятий; прибавляя слово *положительная*, я хочу сказать, что имею в виду особый способ философского мышления, который признает, что все теории, к какой бы области идей они ни принадлежали, имеют целью согласование наблюдаемых фактов; этот прием и составляет третью и последнюю ступень общей философии, сперва теологической, а затем метафизической, как я это объясняю в первой же лекции.

Есть, конечно, много аналогий между моей *положительной философией* и тем, что английские ученые, особенно после Ньютона, называют *натуральной философией*, но я не мог избрать ни этого названия, ни названия *философия наук*, которое было бы, быть может, еще точнее, потому что ни та, ни другая не касаются всех классов явлений, тогда как *положительная философия*, в которую я включаю изучение социальных явлений точно так же, как и всяких других, указывает на однообразный прием рассуждения, приложимый ко всем предметам, подлежащим человеческому исследованию. Кроме того, выражение *натуральная философия* употребляется в Англии для обозначения совокупности различных, основанных на наблюдении наук, рассматриваемых со всеми подробностями, тогда как под *положительной философией*, сопоставляя ее с *положительными науками*, я понимаю только изучение общих идей различных наук, признавая науки подчиненными одному методу и составляющими различные части одного общего плана исследования. Таким образом, новый термин, который я принужден был ввести, в одно и то же время и шире, и уже других названий, аналогичных с ним по основной идее своей и на первый взгляд могущих показаться совершенно равнозначными.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Цель этого курса, или Общие соображения о природе и значении положительной философии

В этой первой лекции я имею в виду ясно указать цель этого курса, т. е. точно определить то направление, в котором будут рассмотрены основные отрасли натуральной философии, указанные в представленной вам мною программе.

Без сомнения, характер этого курса можно будет понять вполне, т. е. настолько, чтобы составить о нем окончательное мнение, только тогда, когда отдельные его части будут развиты последовательно, одна за другой. Таково обычное неудобство определений, относящихся к очень обширным системам идей, когда эти определения предшествуют самому изложению. Но общие положения можно рассматривать с двух точек зрения: или как общий взгляд на подлежащую доказательству систему, или как вывод из установленной уже системы; и если эти положения приобретают все свое значение только тогда, когда они рассматриваются со второй точки зрения, то и при первой точке зрения они имеют громадную важность, определяя с самого начала предмет исследования. Произведенное со всей возможной для нас строгостью общее ограничение поля наших исследований есть вступление, особенно необходимое, по нашему мнению, для столь обширного и до сих пор столь мало определенного труда, как тот, к которому мы теперь приступаем. В силу этой логической необходимости я считаю нужным теперь же указать вам на целый ряд основных соображений, которые вызвали появление этого курса и которые впоследствии будут развиты с той подробностью, какую заслуживает чрезвычайная важность каждого из них.

Чтобы лучше объяснить истинную природу и особый характер положительной философии, необходимо прежде всего бросить общий взгляд на последовательное движение человеческого духа,

рассматривая его во всей совокупности, так как ни одна идея не может быть хорошо понята без знакомства с ее историей.

Изучая таким образом весь ход развития человеческого ума в различных сферах его деятельности, от его первого простейшего проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл главный основной закон, которому это развитие подчинено безусловно и который может быть твердо установлен или путем рациональных доказательств, доставляемых знакомством с нашим организмом, или с помощью исторических данных, извлекаемых при внимательном изучении прошлого. Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; состояние научное, или положительное. Другими словами, человеческий дух по самой своей природе в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя методами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом. Отсюда и возникают три взаимно исключающие друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений: первая есть необходимая исходная точка человеческого ума; третья – его определенное и окончательное состояние; вторая служит только переходной ступенью.

В теологическом состоянии человеческий дух (направляя свои исследования главным образом на внутреннюю природу вещей, первые и конечные причины поражающих его явлений), стремясь, одним словом, к абсолютному познанию, воображает, что явления производятся прямым и постоянным воздействием более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира.

В метафизическом состоянии, которое на самом деле представляет собою только общее видоизменение теологического, сверхъестественные факторы заменены абстрактными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракциями), неразрывно связанными с различными вещами и могущими сами собою произво-

дять все наблюдаемые явления, объяснение которых состоит в таком случае только в подыскании соответствующей сущности.

Наконец, в положительном состоянии человеческий дух познает невозможность достижения абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от познания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т. е. их неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение явлений, приведенное к его действительным пределам, есть отныне только установление связей между различными отдельными явлениями и несколькими общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки.

Геологическая система дошла до высшей степени доступного ей совершенства, когда она заменила действием одного существа разнородные вмешательства многочисленных, не зависящих друг от друга божеств, существование которых до этого момента предполагалось. Точно так же и предел метафизической системы состоит в замене всех разнообразных сущностей одной общей великой сущностью, *природой*, которую и надлежало бы рассматривать как единственный источник всех явлений.

Параллельно этому совершенство, к которому постоянно, хотя, быть может, и безуспешно, стремится положительная система, заключалось бы в возможности представить все отдельные подлежащие наблюдению явления как частные случаи одного общего факта, подобного, например, тяготению.

(Здесь не место вдаваться в подробное доказательство этого основного закона развития человеческого духа и выводить наиболее важные его следствия. Мы будем говорить о нем с надлежащей подробностью в той части нашего курса, которая посвящена изучению, социальных явлений*.) Я упомянул об этом законе только для

---

* Лица, которые пожелали бы получить по этому предмету немедленно более подробные объяснения, могут с пользою для себя обратиться к трем моим статьям «Философские соображения о науках и ученых», помещенным в ноябре 1825 г. в сборнике, озаглавленном «Производитель» (№ 7, 8 и 10), и особенно в первой части моей «Системы положительной политики», представленной в апреле 1824 г. в Академии Наук, где я впервые указал на открытие вышеупомянутого закона.

того, чтобы путем сопоставления положительной философии с двумя другими философскими системами, которые одна за другой до последнего времени господствовали над всей нашей интеллектуальной деятельностью, точно определить истинный характер самой положительной философии. Теперь же, чтобы не оставлять совершенно без доказательств такой важный закон, часто притом применяемый во всем этом курсе, я должен ограничиться беглым указанием на самые общие и очевидные соображения, доказывающие его справедливость.

Во-первых, достаточно, мне кажется, провозгласить такой закон для того, чтобы его справедливость была тотчас же проверена всеми, кто несколько глубже знаком с общей историей наук. Нет ни одной науки, достигшей в наше время положительного состояния, которую в прошлом нельзя было бы себе представить состоящей главным образом из метафизических абстракций, а в более отдаленные времена даже и находящейся под полным господством теологических понятий.

К сожалению, в различных частях этого курса мы не раз должны будем признать, что даже самые совершенные науки до сих пор сохраняют еще весьма заметные следы этих двух первобытных состояний.

Указанный общий подъем человеческого духа может быть теперь легко установлен весьма осязательным, хотя и косвенным путем, а именно рассмотрением развития индивидуального ума. Ввиду того, что в развитии отдельной личности и целого вида исходная точка по необходимости должна быть одна и та же, главные фазы первого должны представлять основные эпохи второго. И действительно, не вспомнит ли каждый из нас, оглянувшись на свое собственное прошлое, как он по отношению к своим главнейшим понятиям был *теологом* – в детстве, *метафизиком* – в юности и *физиком* – в зрелом возрасте? Такая проверка доступна теперь всем людям, стоящим на уровне своего века.

Но кроме общего или индивидуального прямого наблюдения, доказывающего справедливость закона, в этом общем обзоре я должен еще указать особенно на теоретические соображения, заставляющие чувствовать необходимость такого закона.

Наиболее важное из этих соображений, почерпнутое из самой природы предмета, состоит в том, что во всякое время необходимо иметь какую-нибудь теорию, которая связывала бы между собой отдельные факты, и что вместе с тем создать основанную на наблюдениях теорию в начале жизни человеческого духа было очевидно невозможно.

Со времени Бэкона все здравомыслящие люди повторяют, что истинны только те познания, которые могут опираться на наблюдения. Это основное положение, очевидно, неопровержимо, если его применять, как это и следует делать, к зрелому состоянию нашего ума. Но относительно самого образования наших познаний не менее очевидно и то, что в первобытном своем состоянии человеческий дух не мог и не должен был мыслить таким образом, так как если, с одной стороны, всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то, с другой стороны, для того чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если, созерцая явления, мы не связывали бы их с каким-нибудь принципом, то для нас было бы невозможно не только соединить эти разрозненные наблюдения и, следовательно, извлечь из них какую-нибудь пользу, но даже и запомнить их; чаще же всего явления остались бы незамеченными.

Таким образом, под давлением необходимости наблюдать, чтобы составлять себе истинные теории, и не менее настойчивой необходимости создавать какие-нибудь теории, чтобы иметь возможность последовательно наблюдать, ум человеческий с самого начала попадает в заколдованный круг, из которого он никогда не выбрался бы, если бы, к его счастью, он не получил естественного выхода в самопроизвольном развитии теологических понятий, давших точку опоры его усилиям и доставивших пищу его деятельности. Таково, независимо от связанных с ним важных социальных соображений, на которые я не могу даже намекнуть в этот момент, основное положение, доказывающее логическую необходимость чисто теологического характера первоначальной философии.

Эта необходимость становится еще более осязательной, если мы обратим внимание на полное соответствие теологической философии с самой природой тех исследований, на которых в своем дет-

стве человечество главным образом сосредоточивает всю свою деятельность.

В самом деле, весьма замечательно, что именно вопросы, наиболее недоступные нашему пониманию, как-то: вопросы о внутренней природе вещей, происхождении и цели явлений, – всего настойчивее задаются человечеством в первобытном его состоянии, в то время как все действительно разрешимые вопросы считаются почти недостойными серьезного размышления. Причину этого явления легко понять, так как только опыт дал нам возможность познать размер наших сил, и, если бы человек не начал с преувеличенного о них мнения, они никогда не могли бы получить того развития, к какому они способны. Этого требует наш организм. Но как бы то ни было, представим себе, насколько это возможно, это всеобщее и ясно выраженное настроение умов, и зададимся вопросом, какой прием получила бы в такую эпоху положительная философия (если бы она могла тогда существовать), высшая цель которой состоит в отыскании законов явлений, а главной характеристической чертой является как раз признание всех тех высоких тайн, которые теологическая философия с удивительной легкостью объясняет до малейших мелочей недоступными для человеческого разума.

То же самое можно сказать, рассматривая с практической точки зрения природу исследований, занимающих первоначально человека. В этом отношении они сильно увлекают человека перспективой неограниченной власти над внешним миром, как бы предназначенным исключительно для нашего пользования и находящимся во всех своих явлениях в непрерывных внутренних соотношениях с нашим существованием. Все эти несбыточные надежды, все эти преувеличенные представления о значении человека в природе, порождаемые теологической философией и падающие при первом прикосновении философии положительной, являются вначале тем необходимым стимулом, без которого совсем нельзя было бы понять первоначальную решимость человека взяться за трудные исследования.

Мы стоим теперь так далеко от настроения умов в первобытные времена, по крайней мере по отношению к большинству явлений,

что нам трудно представить себе ясно значение и необходимость подобных соображений.

Человеческий ум теперь настолько созрел, что мы предпринимаем трудные научные исследования, не имея в виду никакой посторонней, могущей действовать на воображение цели, подобной той, какую всегда ставили себе астрологи и алхимики. Наша интеллектуальная деятельность в достаточной степени возбуждается одной надеждой открыть законы явлений, простым желанием подтвердить или опровергнуть какую-нибудь теорию. Но это не могло быть в детстве человеческого духа, где, например, почерпнули бы мы без привлекательных химер астрологии, без могучего обмана алхимии постоянство и энергию, необходимые для накопления длинного ряда наблюдений и опытов, которые позже послужили фундаментом для создания первых положительных теорий того или другого рода явлений?

Это условие нашего интеллектуального развития давно ясно почувствовал Кеплер в астрономии и справедливо оценил в наше время Бертоле в химии.

Из всех этих соображений видно, следовательно, что если положительная философия и является действительно окончательным состоянием человеческого духа, состоянием, к которому он постоянно стремился все сильнее и сильнее, тем не менее эта философия по необходимости должна была сначала, и притом в течение многих веков, пользоваться то как методом, то как предварительной доктриной теологической философией, отличительной чертой которой является ее самопроизвольность, вследствие чего вначале только она и была возможна и только она могла в достаточной степени заинтересовать младенческий ум. Теперь уже очень легко понять, что для перехода от этой предварительной философии к окончательной, человеческий дух должен был усвоить себе в виде переходной ступени метод и доктрины метафизики.

Последнее замечание необходимо для пополнения общего обзора указанного мною главного закона.

На самом деле нетрудно понять, что наш ум, принужденный двигаться только почти незаметными шагами, не мог перейти вдруг, непосредственно, от теологической философии к положи-

тельной. Теология и физика так глубоко несовместимы друг с другом, и понятия их так радикально противоположны друг другу, что прежде чем отказаться от одних, чтобы пользоваться исключительно другими, человеческий ум должен был некоторое время прибегать к переходным понятиям, носящим смешанный характер и потому способным содействовать постепенному переходу.

Таково естественное назначение метафизических понятий, так как сами по себе они не приносят никакой действительной пользы. Заменяя при изучении явлений сверхъестественное направляющее действие соответствующею нераздельною сущностью, хотя и понимаемую сначала только как эманация первого, человек понемногу приучился принимать во внимание только самые факты, понятия же о метафизических сущностях явлений отодвигались все далее и далее до тех пор, пока не превратились у всех здравомыслящих людей просто в абстрактные наименования явлений. Невозможно вообразить себе, при помощи какого другого процесса наш разум мог бы перейти от совершенно сверхъестественных к чисто естественным соображениям, от теологического к положительному образу мыслей.

Установив, таким образом, насколько это возможно сделать, не входя в неуместные теперь подробные рассуждения, общий закон развития человеческого духа, как я его понимаю, мы без труда можем сейчас же точно определить истинную природу положительной философии, что и составляет главную задачу этой лекции.

Из предшествовавшего видно, что основная характеристическая черта положительной философии состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и низведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий, хотя мы и признаем абсолютно недоступным и бессмысленным искание первых или последних *причин*. Бесполезно долго настаивать на принципе, который ныне хорошо известен всем тем, кто несколько глубже вникал в основанные на наблюдении науки. Действительно, всякий знает, что даже в самых совершенных объяснениях положительных наук мы не претендуем на указание *первопричины* явлений, так как таким образом мы только отодвинули бы затруднение назад; мы ограничиваемся точным ана-

лизом обстоятельств возникновения явлений и связываем их друг с другом естественными отношениями последовательности и подобию.

Таким образом, мы говорим – я привожу пример, самый замечательный, – что все общие явления Вселенной *объясняются*, насколько это возможно, ньютоновским законом тяготения, так как, с одной стороны, эта чудная теория представляет нам все изумительное разнообразие астрономических явлений как один и тот же факт, рассматриваемый с различных точек зрения: постоянное притяжение молекул друг к другу, прямо пропорциональное массам и обратно пропорциональное квадратам расстояния; с другой же стороны, этот общий факт представляется как простое обобщение явления, которое весьма близко к нам и которое поэтому мы считаем вполне нам известным, а именно тяжести тел на земной поверхности.

Что же касается того, что такое притяжение и тяжесть сами по себе и каковы их причины, то все эти вопросы мы считаем неразрешимыми, выходящими за пределы ведения положительной философии, и с полным основанием предоставляем их воображению теологов или тонкому анализу метафизиков.

Очевидное доказательство невозможности добиться решения этих вопросов можно видеть в том, что всякий раз, когда по этому предмету пытались сказать что-нибудь действительно разумное, наиболее великие умы могли определять эти два принципа только один при посредстве другого, утверждая, что притяжение есть не что иное, как всеобщая тяжесть, и что тяжесть состоит просто в земном притяжении. Такие объяснения заставляют улыбаться, когда предъявляется претензия на знание внутренней природы вещей и способов происхождения явлений, но составляют, однако, все, что мы имеем наиболее удовлетворительного, и показывают нам тождественность двух родов явлений, которые долго считались совершенно не зависимыми друг от друга.

Ни один здраво рассуждающий ум не ищет теперь дальнейших объяснений.

Было бы легко увеличить число таких примеров, и в течение этого курса мы встретим их в большом количестве, ибо в эту именно сторону исключительно и направлены ныне все главные усилия ума.

Чтобы в настоящее время указать хоть одну из современных работ, я выберу ряд прекрасных исследований г. Фурье по теории теплоты, который дает нам весьма яркое подтверждение предшествовавших общих замечаний. Действительно, в этой работе, философский характер которой столь очевидно положителен, раскрыты самые важные и точные законы термодогических явлений, а между тем автор ни разу не задает себе вопроса относительно самой сущности теплоты и упоминает об оживленном споре между сторонниками калорифической материи и учеными, приписывающими происхождение теплоты колебаниям эфира, только чтобы показать его бессодержательность. И все-таки же в этом труде разбираются самые высокие вопросы, из которых некоторые никогда даже и не ставились, — ясное доказательство того, что человеческий дух, не берясь за недоступные ему задачи и ограничивая свои исследования чисто положительными вопросами, может в них найти неистощимую пищу для самой глубокой своей деятельности.

Охарактеризовав с доступной для меня в этом обзоре точностью дух положительной философии, развитию которой посвящается весь этот курс, я должен теперь исследовать, в какой эпохе своего движения находится она в настоящее время и что еще нужно сделать, чтобы закончить ее построение.

Для этого нужно прежде всего принять во внимание, что все отрасли нашего знания не могли с одинаковой быстротой пройти три вышеуказанные главные фазы своего развития и, следовательно, не могли одновременно достигнуть положительного состояния.

В этом отношении существует необходимый и неизменный порядок, которому следовали и должны были следовать в своем развитии различные виды наших понятий и обстоятельное обсуждение которого составляет необходимое дополнение высказанного выше основного закона. Этот порядок представит исключительный предмет следующей лекции. В настоящее же время нам достаточно знать, что он зависит от различия в природе явлений и определяется степенью их общности, простоты и относительной независимости, тремя условиями, ведущими, несмотря на все свое различие, к одной и той же цели. Так к положительным теориям были сведены сперва астрономические явления как наиболее общие, наиболее

простые и наиболее независимые от всех других, затем, последовательно и по тем же причинам, явления собственно земной физики, химии и, наконец, физиологии.

Нельзя указать точно на начало этого переворота, так как о нем, как и о всех великих событиях в жизни человечества, можно сказать, что он совершался понемногу, в особенности со времени работ Аристотеля и Александрийской школы, и затем со времени введения арабами естественных наук в Западную Европу.

Однако так как во избежание неясности мысли полезно было бы точно определить эпоху, я укажу на сильное движение ума человеческого, вызванное два века тому назад соединенным воздействием правил Бэкона, идей Декарта и открытий Галилея, как на момент, начиная с которого дух положительной философии стал проявляться как очевидное противоположение теологическим и метафизическим воззрениям; именно тогда положительные идеи окончательно освободились от примеси суеверия и схоластики, которая более или менее скрывала истинный характер всех предыдущих работ.

С этой памятной эпохи подъем положительной философии и падение философий теологической и метафизической определились чрезвычайно ясно и, наконец, сделались настолько очевидными, что ныне каждый понимающий дух времени наблюдатель не может не признать постоянного стремления человеческого ума к положительным наукам и бесповоротного отрицания тех бессмысленных доктрин и предварительных методов, которые были годны только для первых его проявлений. Таким образом, этот основной переворот должен непременно совершиться во всем своем объеме, и если положительной философии остается сделать еще какое-нибудь большое завоевание и подчинить еще какую-нибудь область интеллектуального царства, то можно быть уверенным, что и там преобразование совершится, как оно совершилось во всех других областях; было бы, очевидно, непоследовательно предполагать, что человеческий дух, столь склонный к единству методов, сохранит на неопределенное время для одного класса явлений свой первобытный способ рассуждения после того, как для всех остальных

явлений он принял новый, прямо противоположный ход исследований.

Итак, все приводится к простому вопросу о том, обнимает ли все разряды явлений положительная философия, которая в последние два века получила такое широкое распространение? Очевидно, нет, и поэтому предстоит еще большая научная работа для того, чтобы дать положительной философии характер универсальности, необходимой для окончательного ее построения.

Действительно, в четырех только что названных главных категориях естественных явлений, т. е. явлениях астрономических, физических, химических и физиологических, можно заметить существенный пропуск именно явлений социальных, которые, хотя и входят неявно в число явлений физиологических, но заслуживают, однако, как по своей важности, так и по особым трудностям их изучения, выделения их в особую категорию. Эта последняя группа понятий, относящихся к наиболее частным, наиболее сложным и наиболее зависящим от других явлений, благодаря этому одному обстоятельству должна была совершенствоваться медленнее всех других, даже если бы и не было тех особых неблагоприятных условий, которые мы рассмотрим позднее. Как бы то ни было, очевидно, что социальные явления не вошли еще в область положительной философии, и теологические и метафизические методы, которыми при изучении других родов явлений никто не пользуется ни как средством исследования, ни даже как приемом аргументации, до сих пор и в том, и в другом отношении только одни и применяются при изучении социальных явлений, хотя недостаточность этих методов вполне сознается всеми разумными людьми, утомленными бесконечными и пустыми пререканиями между божественным правом и главенством народа.

Итак, ют очень крупный, но, очевидно, единственный пропуск, который надо заполнить, чтобы закончить построение положительной философии. Теперь, когда человеческий дух создал небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а также и физику органическую, растительную и животную, ему остается только закончить систему наблюдательных наук созданием *социальной физики*. Такова в настоящее время самая крупная и самая

настоятельная во многих существенных отношениях потребность нашего ума, и такова, я осмеливаюсь это сказать, первая и особая цель этого курса.

Относящиеся к изучению социальных явлений идеи, которые я попытаюсь изложить и зародыш которых можно, как я надеюсь, найти даже в этой лекции, не имеют целью тотчас же дать социальной физике ту же степень совершенства, какую имеют уже более ранние отрасли положительной философии; такое намерение было бы, очевидно, несбыточно, так как даже эти последние проявляют относительно развития своего огромное и притом совершенно неизбежное неравенство.

Мои идеи должны будут только придать последнему классу наших познаний тот положительный характер, который уже имеют другие науки. Если только это условие будет в действительности выполнено, современная философская система во всей своей совокупности будет поставлена на прочное основание, так как тогда не будет существовать ни одного доступного наблюдению явления, которое не входило бы в одну из установленных выше пяти великих категорий явлений астрономических, физических, химических, физиологических и социальных.

После того как все наши понятия станут однородными, философия окончательно достигнет положительного состояния; она не будет уже в состоянии изменять свой характер, и ей останется только развиваться бесконечно путем новых, постоянно увеличивающихся приобретений, которые явятся неизбежным результатом новых наблюдений и более глубоких размышлений.

Получив таким образом характер универсальности, которого она еще не имеет, положительная философия, сохраняя свое естественное превосходство, будет в состоянии вполне заменить теологическую и метафизическую философии, универсальность которых в настоящее время является их единственным истинным достоянием, и которые, потеряв свое преимущество, будут иметь для наших потомков только чисто исторический интерес.

После такого объяснения специальной цели этого курса легко уже понять его вторую общую цель, которая делает его курсом положительной философии, а не только курсом социальной физики.

Действительно, так как построение социальной физики завершает систему естественных наук, то становится возможным и даже необходимым подвести итоги всем приобретенным познаниям, достигшим к этому времени определенного и однородного состояния, чтобы согласовать их и представить как ветви одного дерева, а не продолжать считать их за отдельные тела.

С этой именно целью, прежде чем приступить к изучению социальных явлений, я последовательно, в указанном выше энциклопедическом порядке, рассмотрю существующие уже различные положительные науки.

Мне кажется, что незачем предупреждать о том, что здесь не может быть и речи о ряде специальных курсов по отдельным главным отраслям естественной философии. Не говоря уже о времени, необходимом для подобного предприятия, ясно, что подобное намерение не может быть осуществлено мной, и, кажется, я могу сказать – никем другим при современном нам состоянии образования человечества. Совсем наоборот, для правильного понимания курса, подобного настоящему, требуется предварительное изучение отдельных наук, которые в нем будут рассмотрены. Без этого очень трудно понять и совершенно невозможно оценить те философские размышления, которым будут подлежать различные науки. Одним словом, я предполагаю изложить *курс положительной философии*, а не курс положительных наук. Я рассматриваю здесь каждую из основных наук только по отношению ко всей положительной системе и по характеризующему ее духу, т. е. как по отношению к ее более важным методам, так и по отношению к ее главным результатам. Чаще всего я буду даже вынужден ограничиться указанием на последние, пользуясь специальными исследованиями, и постараюсь затем определить их важность.

Чтобы резюмировать указания относительно двойной цели этого курса, я должен заметить, что оба предмета, специальный и общий, хотя и различны сами по себе, но по необходимости нераздельны, так как, с одной стороны, невозможно представить себе курса положительной философии без социальной физики, ибо в таком случае положительной философии недоставало бы одного из ее существенных элементов, и благодаря этому она не имела бы

того характера всеобщности, который должен быть ее главным атрибутом и который отличает наше настоящее исследование от ряда специальных работ. С другой стороны, возможно ли с уверенностью приступить к положительному изучению социальных явлений, если ум не подготовлен еще глубокими размышлениями над положительными методами, испытанными уже в приложении к менее сложным предметам, и, сверх того, не вооружен знанием главных законов других явлений, которые оказывают более или менее прямое влияние на явления социальные?

Несмотря на то, что не все основные науки внушают одинаковый интерес неразвитым умам, нет, однако, ни одной, которой можно было бы пренебречь в исследовании, подобном предпринятому нами. Что же касается их значения для блага человечества, то, конечно, все науки, если их рассмотреть глубже, оказываются равными. Науки, результаты которых на первый взгляд представляют меньший интерес с практической точки зрения, неотразимо влекут к себе или высоким совершенством своих методов, или тем, что они составляют необходимую основу для других наук. Об этом замечании я буду иметь случай поговорить особо в следующей лекции.

(Продолжение следует)